

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

DOI 10.35775/PSI.2025.117.5.012

УДК 32

М.А. ЗИНОВЬЕВ

аспирант кафедры политологии и права
Государственного университета просвещения,
Россия, г. Москва
E-mail: zinoviev@mail.ru

РУССКИЙ ПУТЬ К ГРАЖДАНСКОМУ ОБЩЕСТВУ: ОСМЫСЛЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА В ТРУДАХ МЫСЛИТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В статье исследуются концепции гражданственности и социального сотрудничества, представленные в трудах отечественных мыслителей первой половины XIX века. Рассматриваются различные подходы, отражающие как влияние европейских идей, так и уникальные особенности исторического и духовного развития России. Особое внимание уделяется взглядам славянофилов и западников, выявляются ключевые различия в их понимании социальной консолидации, роли общины, частной собственности и индивидуальной свободы. Анализ этих концепций позволяет глубже понять процессы формирования гражданского общества в России и специфику национального понимания социального сотрудничества.

Ключевые слова: гражданское общество, демократия, гражданская позиция, славянофилы, западники, консерваторы.

В России идеи гражданственности развивались под влиянием европейских мыслителей эпохи Просвещения, что было закономерно в условиях абсолютной монархии. Русские интеллектуалы первой половины XIX века стремились понять сложную взаимосвязь между обществом и властью, пытаясь создать возможности для выражения общественного мнения.

Важно отметить, что социальная структура Российской империи не была простой системой подчинения граждан власти. Глубокие демократические традиции, уходящие корнями в историю Киевской Руси, где князь выполнял роль верховного судьи по соглашению с «свободной общиной», и укрепившиеся в период вечевой демократии, продолжали развиваться в общинной соборности, предполагая активное участие «народной воли» и стремление к правде и справедливости в общественных процессах.

Отсутствие развитой частной собственности, особенно на землю, которая находилась в общинном владении (аналогично общим пастбищам у кочевых народов), обусловило направление социальной солидарности, отличное от западного. В России солидарность возникала не от индивидуума ко всему обществу, а, наоборот, – от общего блага к индивидууму.

Даже самые могущественные правители считали своей целью благо народа и видели себя в числе тех, кто ищет вселенскую правду. Это объясняет, почему такой образованный государственный деятель, как М.М. Сперанский (1772–1839), выходец из семьи священника, изучал труды Монтескье и размышлял о политической и гражданской свободе. Сперанский, как он писал, понимал «политическую свободу» как участие различных сословий в законодательной и исполнительной власти, где народ управляется законом, принятым или поддерживаемым «общей волей». «Гражданская свобода», по его мнению, означала независимость каждого сословия от произвола других в личных и имущественных вопросах [5. С. 18].

Сперанский подчеркивал, что власть должна руководствоваться «общей волей» при принятии законов, а граждане должны обеспечивать свою общественную независимость. Он также отмечал важность взаимных обязательств между обществом и властью и уважения интересов различных сословий, несмотря на их имущественное и социальное неравенство.

Опираясь на европейский опыт, Сперанский считал, что «политическая свобода» является обязательным условием формирования гражданственности. Он утверждал, что права и свободы граждан, защищенные законом и государством, являются основой ее развития. По его словам, «гражданские права», то есть безопасность личности и имущества, являются неотъемлемым правом каждого человека, вступающего в общество. Сперанский считал немыслимым, чтобы кто-то согласился жить в обществе, где его жизнь и имущество ничем не защищены [5. С. 43].

Адаптируя эту идею к российским условиям, Сперанский предположил, что в отличие от Запада, где общественный порядок является результатом воли индивидов, стремящихся сохранить и приумножить свое имущество, в России для установления политической свободы необходимо «единообразное устремление народной воли к свободе» [5. С. 19]. Он писал, что эта уверенность формирует «общее мнение», которое, в свою очередь, служит опорой закону и свободе. Таким образом, Сперанский считал, что главной движущей силой социальной солидарности является не индивидуальный интерес, а стремление к общему благу через «общественную волю» [5. С. 21].

Официальный историограф Н.М. Карамзин (1766–1826) в своих трудах анализировал факторы, обеспечивающие социальное единство русского народа. В отличие от сторонников преобразований Петра I, он считал, что реформы, хотя и принесли пользу и просвещение, нанесли ущерб самобытности России, ослабив чувство сопричастности граждан к государству и ущемив «дух народный». Карамзин утверждал, что именно этот «дух» и «вера» спасли Россию в Смутное

время, поскольку он, по сути, является привязанностью к своей культуре и уважением к национальному достоинству. Историк критиковал Петра I за унижение русских в их собственных глазах путем искоренения старых обычаев и восхваления иностранного, что, по мнению Карамзина, не способствовало воспитанию великих граждан. Любовь к Отечеству, как он считал, питается этими национальными особенностями [1. С. 90].

В отличие от западных мыслителей, Карамзин видел основу русского этоса не только в индивидуальном интересе, но и в духовных скрепах, объединяющих народ и определяющих его отношение к «всеобщему», то есть к земле, стране и православному миру. Он отмечал, что дворянство, воспринявшее европейские новации, отделилось от простого народа, что «разделило» русское общество и подорвало народное единство.

Карамзин считал, что Петр I, пытаясь изменить духовные основы российского общества «по предписанным им Уставом», вел к социальной дезинтеграции. Тем не менее, он подчеркивал важность существования духовного феномена, определяющего социальную консолидацию, необходимого для формирования гражданского общества. Признавая положительные стороны петровских нововведений, он утверждал, что «с приобретением добродетелей человеческих мы утратили гражданские» [1. С. 91].

Карамзин полагал, что ценностные основания России, такие как жертвенность и соборность, сближают ее с азиатскими народами, развивавшимися в традиционном обществе, в большей степени, чем с Европой, пережившей модернизацию.

Исходя из этого, он заявлял, что «правоверный Россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а Святая Русь – первое Государство». По его мнению, даже если это и «заблуждение», оно способствовало любви к Отечеству и нравственной силе. Карамзин задавался вопросом, стало ли гражданское достоинство русских выше после «школы иноземцев», и выражал опасение, что, став «гражданами мира», они в какой-то мере перестали быть гражданами России, обвиняя в этом Петра I [1. С. 93].

Декабрист П.И. Пестель (1793-1826), в отличие от своих соратников, уделял меньше внимания общественной инициативе. Он считал, что люди изначально разделены на «повелевающих» и «повинующихся», а народ обязан подчиняться правительству, требуя взамен стремления к общему благоденствию и разумных законов. Пестель подчеркивал, что равновесие взаимных обязанностей и прав является основой существования государства [3. С. 186].

При этом, Пестель фактически придал понятию гражданского общества современное значение, определяя его как «совокупность всех тех Людей, которые принадлежат к одному и тому же Государству» и стремятся к общему благоденствию [3. С. 189].

С.С. Уваров (1786-1855) видел системообразующую ось российского единства в «воссоединенном духе Православия, Самодержавия и Народности». Он предостерегал от распространения в России «разрушительных начал», угрожающих

гражданскому порядку, и утверждал, что «залог будущего жребия» России заключается в сохранении «теплой веры к некоторым религиозным, моральным и политическим понятиям, ей исключительно принадлежащим» [6. С. 304].

Уваров называл этот фундамент «якорем спасения», соединяющим «выгоды нашего времени с преданиями прошедшего и надеждами будущего» [6. С. 304]. При этом, он не противопоставлял сохранение духовных оснований европейскому культурному опыту.

«Палладиум» России, по мнению Уварова, включает в себя любовь к Вере, преданность Самодержавию и преемственность духовного единства – Народности, которые «проистекают из одного источника и совокупляются на каждой странице Истории Русского народа» [6. С. 305]. Он подчеркивал, что Народность – это не охранительство застывших форм, а живой организм, развивающийся и обогащающийся новыми идеями.

Уваров указывал на необходимость избегать крайностей: как «обветшалых предрассудков», идеализирующих прошлое, так и «новейших предрассудков», стремящихся к разрушению существующего, считая, что «здание нашего благосостояния может укрепиться» на «обширном поле» между ними [6. С. 306].

По мнению Уварова, Самодержавие, в отсутствии правового порядка, обеспечивало стабильность общественного строя наряду с Церковью и Миром. Игнорирование этой идеи, как он считал, могло привести к утрате российской государственности.

В отличие от тех, кто отстаивал незыблемость традиционных ценностей, в российском обществе также распространялись идеи о необходимости копирования европейского пути развития, что влияло на представления о гражданственности и гражданском обществе.

Например, адмирал Н.С. Мордвинов (1755-1848), вдохновленный идеями Адама Смита и Иеремии Бентама, считал частную собственность условием совершенной социальной организации. Он утверждал, что общественное благополучие должно основываться на частной выгоде, которая является «животворным корнем» общественного блага. Мордвинов предостерегал от отклонения от этого принципа, которое, по его мнению, ведет к оскудению казны и расстройству государства [2. С. 36].

Мордвинов, как и западные мыслители, видел в среднем классе социальную основу гражданского общества. Он считал необходимым его формирование в России для обеспечения социальной стабильности и процветания, предлагая наделить всех сельских жителей земельной собственностью и развивать товарное аграрное производство по «американскому пути» [2. С. 38].

Мордвинов отмечал, что в России большая часть земли принадлежит казне и дворянству, что приводит к отсутствию развитого среднего класса и неравенству. Он считал, что правильное распределение земли между жителями является основой богатства, просвещения и благоустройства.

П.Я. Чаадаев (1794-1856) крайне негативно оценивал особенности духовно-нравственного и социального развития России, считая ее существование «тусклым и мрачным». Он утверждал, что российское общество находится в состоянии «дикости», лишённое «убеждений и правил даже и в повседневных делах» [8. С. 41].

Чаадаев отрицал наличие в истории русского народа каких-либо значимых событий или явлений, способных определить его уникальность. Он видел в российской идентичности «странную волю судьбы», отделившую Россию от «всеобщего движения человечества». Чаадаев считал, что для развития по западному образцу России необходимо «повторить у себя все воспитание человеческого рода» [8. С. 42]. По сути, Чаадаев был прав в том, что для копирования западной модели развития России пришлось бы полностью переписать свою историю.

Критикуя уничижительные взгляды П.Я. Чаадаева на русское самосознание, славянофил А.С. Хомяков (1804-1860), в частности, указывал, что европейское благоустройство относится к «совершенствованию вещественной жизни, а не духовной» [7. С. 450]. По его мнению, Россия не отстала от других народов в духовном плане, а язычество все еще присутствует в Европе. Хомяков предостерегал от слепого копирования европейских форм общественной жизни, полагая, что Россия может учиться на чужом опыте, не впадая в крайности.

Хомяков считал Россию центром истинного духовного начала, в том числе европейской цивилизации. Он утверждал, что если общественная жизнь основана на правде, а не на «себялюбивой хитрости», то из всех усилий общества вытекают долг, закон, правда и порядок [7. С. 454].

По мнению Хомякова, российское общество консолидируется иначе, чем западное. В то время как на Западе гражданская инициатива «собирается» вокруг индивидуальных интересов, россиян всегда объединяет общая идея, проблема или перспектива. Приоритет общественного блага укоренился в русском сознании.

Представитель консерватизма М.П. Погодин (1800-1875) подчеркивал невозможность или ограниченность использования европейских политических институтов в России. Он утверждал, что слепое копирование европейского опыта неэффективно из-за особенностей исторического развития России. Погодин писал, что «всякое постановление должно непременно иметь свое семя и свой корень», и пересаживать чужие растения без глубокого размышления и осторожности не всегда возможно или полезно. Он призывал изучать российскую историю, чтобы увидеть собственные уникальные достижения и «преисполниться благодарностию к Промыслу за свое удельное счастье» [4. С. 398]. Погодин считал, что изучение русской истории является важным фактором сохранения общественного спокойствия.

М.Н. Погодин считал, что различия в историческом опыте европейцев и россиян проявились на ранних этапах государственности и повлияли на судьбу народов и факторы, определяющие их единство. Он отмечал, что особенность российского исторического процесса отразилась на отношении народа к родной

земле и отечеству, сформировала особый дух свободы, несмотря на «деспотическую форму» правления. Российские города, по мнению Погодина, не стали колыбелью среднего сословия, а остались центрами сельского населения.

Погодин объяснял это тем, что земля на Западе досталась завоевателям, а в России осталась в общем владении народа под верховной властью князя. Народ на Западе был обращен в рабство, а в России остался свободным, платя дань князю из излишков, что не было обременительно. Города на Западе стали центрами промышленности и особого сословия людей, а российские города остались селами с тем же сельским населением, где промышленность ограничивалась удовлетворением базовых потребностей [4. С. 405].

Отличия в историческом культурном опыте европейцев и россиян проявлялись с первых этапов становления государственности и, по мнению М.Н. Погодина, всецело отразились на дальнейшей судьбе народов и формировании факторов, определяющих их единство.

Представление об особенностях исторического пути России, определяющей социальные основания и направления развития, благодаря идеям российских консерваторов, позднее утвердилось в отечественном общественном сознании. Однако семьдесят лет господства экономического детерминизма и, во многом извращенного в угоду политической конъюнктуры, марксизма в науке, настойчиво укоренялись представления об универсальности форм общественного развития всех стран и народов мира.

В трудах отечественных мыслителей первой половины XIX века прослеживается разнообразие подходов к пониманию гражданственности и социального сотрудничества, отражающее как влияние европейских идей, так и осмысление специфики исторического пути России. Славянофилы и консерваторы подчеркивали важность духовных скреп и общинных традиций для социальной консолидации, в то время как западники акцентировали роль частной собственности и индивидуальной свободы. Анализ этих концепций позволяет лучше понять сложные процессы формирования гражданского общества в России и выявить особенности национального понимания социального сотрудничества, основанного на приоритете общего блага и духовного единства. Осмысление различных точек зрения дает ключ к пониманию дальнейшей эволюции гражданственности и социального взаимодействия в российском обществе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Карамзин Н.М.** Записка о древней и новой России и ее политическом и гражданском отношениях // Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века. М.: Издательство Московского университета, 2011.
2. Особое мнение адмирала Мордвинова. М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2008.
3. **Пестель П.И.** Русская правда или Заповедная Государственная Грамота Великого Народа Российского, служащая Заветам

для усовершенствования Государственного устройства России и Содержаща Верный наказ как для народа, так и для Временного Верховного Правления // Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века. М.: Издательство Московского университета, 2011.

4. **Погодин М.П.** Взгляд на русскую историю // Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века. М.: Издательство Московского университета, 2011.
5. **Сперанский М.М.** Еще нечто о свободе и рабстве // Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX в. М.: Издательство Московского университета, 2011.
6. **Уваров С.С.** О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении министерством народного просвещения // Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века. М.: Издательство Московского университета, 2011.
7. **Хомяков А.С.** Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Медиум, 1994.
8. **Чаадаев П.Я.** Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

M.A. ZINOVIEV

Postgraduate student, Department
of Political Science and Law State University of Education,
Moscow, Russia

THE RUSSIAN PATH TO CIVIL SOCIETY: UNDERSTANDING COOPERATION IN THE WORKS OF THINKERS OF THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

The article examines the concepts of citizenship and social cooperation presented in the works of Russian thinkers of the first half of the 19th century. Various approaches are considered, reflecting both the influence of European ideas and the unique features of the historical and spiritual development of Russia. Particular attention is paid to the views of the Slavophiles and Westernizers, identifying key differences in their understanding of social consolidation, the role of the community, private property and individual freedom. Analysis of these concepts allows for a deeper understanding of the processes of formation of civil society in Russia and the specifics of the national understanding of social cooperation.

Key words: civil society, democracy, civic position, Slavophiles, Westernizers, conservatives.